

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (1920-е гг.)

БЕРШАДСКАЯ О. В.
канд. ист. наук, доцент
Всероссийского заочного финансово-экономического института,
филиала в г. Краснодар

PEASANT HOLDING
IN SOCIAL-ECONOMIC ASPECT
AND THE PROBLEMS OF ITS
DEVELOPMENT (1920s)

BERSHADSKAYA O. V.

1920-е гг. ознаменовались подъемом уровня благосостояния крестьянских хозяйств. Социально-экономическим аспектам и проблемам развития аграрного сектора в это время посвящена эта статья.

1920s were marked by the rising of level of prosperity of peasant holdings. The article examines the social-economic aspect and the problems of agricultural sector at this period.

Ключевые слова: крестьянство, НЭП, Сочинский район, экономика.

Keywords: peasantry, NEP, Sochi region, economics.

УДК 631: 94 (47)

В годы Новой экономической политики (НЭП) по всей стране отмечался подъем уровня благосостояния крестьянских хозяйств, который выразился в «осереднячивании» деревни. В Сочинском районе наблюдалась иная картина. Здесь, в 1926–1927 гг., на пике НЭПа, бедняцкие хозяйства составляли 68,5 %, середняки – 29 %, зажиточные – всего 2,5 % [1]. Эти данные были получены методом выявления экономической мощности хозяйств в зависимости от обложения их единым сельхозналогом, который был прямо пропорционален получаемым доходам.

По данным на 1928 г. обеспеченность среднего крестьянского хозяйства Сочи выглядела следующим образом: на двор, состоящий из четырех едоков, приходилось около 2-х дес. земли, 0,4 лошади, 0,6 рогатого скота, 1,2 коровы, 0,4 свиньи, 0,25 козы и 0,6 овцы, а также 0,4 дес. земли для травосеяния. При этом необходимо учитывать, что различия в аграрной культуре представителей разных национальностей, проживающих в Сочинском районе, оказывали большое влияние на уровень развития их хозяйств.

Наиболее зажиточными являлись хозяйства немцев, эстонцев, греков и армян, обладающих высокой культурой земледелия и быта. Именно представителям этих народностей, в частности эстонцам – жителям сел Сальме и Сулево, принадлежала инициатива культивирования французских слив,

введения травосеяния и правильного севооборота. В эстонской деревне Сулево 37,9 % жителей имели доход от 55 до 100 руб., 28,5 % – свыше 100 руб. При обследовании районной агрономической организацией села Сальме, где основная часть населения являлась эстонцами, выяснилось, что здесь «ведут хозяйство образцово и живут хорошо». Большинство крестьян принадлежало к середняцкой группе, часть – к зажиточным и незначительное количество – к беднякам. При этом отмечалось, что эстонцы, считая себя «культурно превосходящими», к другим нацменам относятся с пренебрежением. Такой же уровень жизни наблюдался и в немецкой деревне. Так, в селении Пиленково, где подавляющая часть населения являлась немцами, 53,5 % крестьян имели доход свыше 100 руб. (и это с учетом безземледельческих заработков) [2].

Следует иметь в виду, что немцы и эстонцы составляли незначительное количество от общей численности сельского населения района. Поэтому их благосостояние фактически не отражалось на общем уровне жизни крестьян Сочи.

В армянских селах значительная часть населения располагала доходом от 33 до 100 руб. на едока. К примеру, обследование населенных пунктов, входящих в состав Лоо-Волковского сельсовета, где 63 % жителей составляли армяне, выявило 25 % представителей беднейших слоев населения и 75 % середняков. При обследовании также выяснилось, что социальные расслоения в национальных деревнях часто затушевывались бытовыми особенностями, в частности, взаимопомощью, основанной на родственных связях.

Что касается русских и украинских поселенцев, составлявших большинство сельского населения округа, то данные многочисленных обследований, проведенных в 1920-е гг., подтверждали их бедственное положение. Деревни с русским населением, как правило, располагались в горной ме-

стности, где ощущалась острая нехватка удобной земли и путей сообщения. Выходцы из Кубанской области и центральных губерний России не могли переориентировать свое хозяйство на производство «высоких» культур и по-прежнему занимались выращиванием зерновых. Не обладая высокой агрономической культурой эстонцев и немцев, русские и украинские семьи постоянно балансировали на грани нищеты и голода. Как следует из отчета уполномоченных, обследовавших эти поселения по заданию Северокавказского земельного управления, русские крестьяне, «не имея сносной дороги на шоссе, оторванные от агрономической помощи и культурных центров... предоставленные сами себе – ведут... в горах то же первобытное зерновое хозяйство, какое вели до переселения на равнине, и, естественно, мечтают не о расширении или культивировании своего землепользования, а о «деколонизации», с возвращением их на равнину в Кубанскую область».

Во второй половине 1920-х гг. развитие хозяйств русских крестьян выразилось, главным образом, в улучшении жилых и хозяйственных построек, незначительном увеличении площадей расчисток под посевы и разведении небольших приусадебных садов.

Одним из основных факторов, препятствующих развитию сочинских деревень, являлось незначительное количество земель, удобных для посевов. В 1920-е гг. средняя обеспеченность удобной землей составляла 0,4 десятины на едока [3]. Повсеместно была распространена чересполосица, устранить которую не представлялось возможным из-за топографических условий. Сложный рельеф местности, непроходимые лесные заросли создавали тяжелые условия для земледельцев. Ситуация усугублялась низким плодородием почв. В 1924–1925 гг. районной агрономической организацией проводилось обследование землепользования в различных населенных пунктах. Выборочные

примеры из этого обследования позволяют наглядно представить основную и практически неразрешимую проблему местных крестьянских хозяйств.

Так, три селения Хостинского района Хлебороб, Луйс и Илларионовка были расположены в среднегорной полосе и, практически все пространство, выделенное им для земельных наделов, занимала густая лесная растительность. Расчищенные с большим трудом участки земли, представляли собой «небольшие пятна среди сплошного леса» [4]. В среднем на одного едока в поселке Хлебороб приходилось 0,16 дес., в Луйс – 0,23 дес., в Илларионовке – 0,18 десятины [5].

В поселке Сергей Поле Навагинского сельсовета обеспеченность удобной землей составляла 0,94 десятины на едока. Земельные наделы были расположены на местности с крутым рельефом и находились под постоянной угрозой оползней. Почвы низкого качества не позволяли получать урожаи садовых фруктов и зерновых культур в требуемом количестве. Площадь для выгона скота была недостаточной, и это обстоятельство ставило непреодолимое препятствие для развития животноводства [6].

В селении Шахе Лоо-Волковского сельсовета в среднем на едока приходилось по 0,75 дес. земли, однако низкое качество почвы «не могло обеспечить даже прожиточного минимума» [7].

Жители поселка Эсто-Садок использовали в земледелии ряд «мелиоративных приемов», различные удобрения, применяли травосеяние. Но горный характер местности не позволял сплошных расчисток, поэтому земельные наделы располагались чересполосно и состояли из 4–8 отрубков на значительном расстоянии друг от друга. Это обстоятельство сильно понижало эффект от грамотного ведения хозяйства [8].

Серьезной проблемой являлось отсутствие путей сообщения между сельскими населенными пунктами и кур-

ортной зоной, что препятствовало сбыту продукции. Для жителей отдаленных горных селений доставка продукции была сопряжена с большими трудностями и материальными затратами. Это в несколько раз повышало себестоимость продуктов и делало их реализацию бессмысленной. Поэтому большая часть произведенной продукции оставалась в хозяйствах и не приносила прибыли.

Вследствие особенностей переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв. значительная часть крестьянских хозяйств была расположена в предгорных и горных районах, где недостаток удобной земли и отсутствие путей сообщения ощущались особенно остро. Жители прибрежных селений имели возможность пользоваться железной и шоссейной дорогой, а также продавать свою продукцию курортным учреждениям и сдавать жилье отдыхающим. Несмотря на это, единый сельскохозяйственный налог не дифференцировался и был одинаков для всех крестьян Сочинского района. В 1927–1928 гг. с каждого хозяйства взималось в среднем 14 руб., с отдельного едока – 2 руб. 65 коп. [9] От уплаты налога освобождались только беднейшие хозяйства вне зависимости от своего расположения. Данная ситуация вызывала недовольство местного населения. Так, жители села Калиновое Озеро жаловались, что «многие продукты наших хозяйств остаются неиспользованными внутри поселка, а отсюда и наша нищета и беднота, и всякое сравнение нашей жизни с жизнью прибрежных поселков, пользующихся шоссейными дорогами, поставляющих на рынок всякий пустяк своего хозяйства и свободно платящих налоги, ... совершенно одинаковые как для нас, так и для них, вызывает в нас чувство ...обездоленности, заброшенности...» [10]. Представители Алеко-Преображенского общества требовали «обязательно отделить по уплате всех налогов жителей гор от побережья, ибо разница в этом видна, бесспорно,

как по климату, так и по земле, урожаю и т.п.» [11]. Земледельцы поселка Новые Сочи, который «представляет из себя гористую местность, где применение сельскохозяйственных... орудий невозможно, а вся обработка земли производится... мотыгой и лопатой», просили «взятие сельхозналога не сравнивать с теми районами, где обработка земли производится машинным способом вплоть до тракторов» [12].

Вследствие того, что крестьяне Сочинского района не могли обеспечить свои семьи, занимаясь только земледелием, важную роль в их жизни играли неземледельческие заработки.

Население поселков среднегорной полосы занималось преимущественно лесозаготовками, которые составляли значительную часть их доходов. Например, жители селений Пластунка и Мамайка основную сумму заработков получали от лесозаготовительных операций [13].

Сбор орехов, каштана и дикорастущих фруктов также являлся солидным источником доходов в средне- и высокогорных селениях. Большая часть продукции, продаваемая на рынке жителями Медовеевки, Аибги, Ореховой Поляны и др. состояла из лесных даров [14].

Извоз был распространен, как правило, в селениях, расположенных в прибрежной полосе. Так, например, в Арде, Молдовке, Адлере перевозки лесоматериалов и товаров со станции в различные населенные пункты района давали стабильный заработок значительной части населения [15].

Жители деревень, расположенных вблизи железной дороги и шоссе, получали некоторую часть своих доходов от их обслуживания и ремонта. При этом для ремонтных работ на железной дороге крестьяне привлекались, как правило, только в качестве сезонных рабочих. Для обслуживания Краснополянского, Аибгинского, Солох-Аульского и Воронцовского шоссе были созданы постоянные отряды рабочих из жителей близлежащих насе-

ленных пунктов [16].

Кустарные промыслы получили распространение лишь в отдельных селениях. Так, в эстонских деревнях Эсто-Садок, Сулево и Сальме жители занимались производством шерстяных и бумажных тканей. Население Аибги, Медовеевки, Семеновки изготавливало различные предметы из дерева (кухонную утварь, штaketники и т.п.). В сел. Аибга широкое распространение получило производство дранки, которое давало населению значительный заработок. Население Молдовки и Веселого занималось бондарным ремеслом [17]. Продукция кустарной промышленности частично шла на продажу, а частично предназначалась для собственного потребления.

Такой лесной промысел как охота был распространен преимущественно среди населения средне- и высокогорной полосы. Объектами охоты были медведь, волк, куница, лиса. Несмотря на обилие диких зверей в окрестных лесах, охота не была поставлена на серьезный промышленный уровень [18].

Рыболовством занимались только жители приморских селений (Дагомыса, Раздольной, Адлера, Имеретинской Бухты). Уловы, состоящие из камбалы, кефали, ставриды, барабули, были незначительны и не могли удовлетворить спроса города Сочи и Адлера [19].

В 1927 г. общий доход от неземледельческих видов деятельности сельского населения района выразился в сумме 1055 тыс. руб., что составило 15,5 % всех заработков [20].

В целом же, по подсчетам специалистов, в 1927 г. доходы крестьян Сочинского района составили в целом 6816 тыс. руб., в том числе 4428 тыс. руб. – от земледелия. При подсчете «минимальных и не подлежащих сокращению» расходов (6605 тыс. руб.) выяснилось, что избытки сельского хозяйства определяются суммой в 211 тыс. руб. Данная цифра была получена без учета выплат по ссудам, самообложению и различным госу-

дарственным займам. Затраты по этим статьям составляли 446 тыс. руб., что в два раза превышало сумму избытков. Таким образом, ведение крестьянского хозяйства являлось убыточным занятием [21].

Необходимо также отметить, что районные, окружные и краевые власти хорошо понимали проблемы района. В 1920-е гг. на всех уровнях неоднократно обсуждались вопросы, связанные с развитием крестьянских хозяйств и улучшением сельскохозяйственного производства. Такие мероприятия как кооперирование, организация колхозов и комитетов крестьянской взаимопомощи, землеустройство, сельская колонизация заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 250. Л. 53об.
2. АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 250. Л. 53.
3. Курорт Сочи (Сочи). 1928. 8 марта.

4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 763. Л. 19 об.
5. ЦДНИКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 685. Л. 88об, 89об.
6. ЦДНИКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 763. Л. 19об.
7. ЦДНИКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 685. Л. 90.
8. ЦДНИКК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 763. Л. 19.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 11. Л. 24об.
10. Там же. Л. 25.
11. АОАГС. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.
12. АОАГС. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 54. Л. 6об.
13. Там же.
14. АОАГС. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 89. Л. 42.
15. Там же. Л. 55.
16. Там же. Л. 44.
17. АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 249. Л. 5.
18. АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 189. Л. 17.
19. Там же. Л. 34.
20. Там же. Л. 56.
21. АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 250. Л. 53об.

Селение Дагомыс. Аграрный сектор. 1920-е гг.